

Неудобные вопросы

ЕГОР ГАЙДАР

— Ответьте, кому вы сделали хорошо своими реформами? Не кажется ли вам, что возглавляемое вами правительство сделало в свое время успешную попытку развала страны?

Напомню, в каком состоянии была страна, когда я был назначен премьером. Первые документы, с которыми я ознакомился, были следующие:

от председателя Межкомбанка: валютные резервы полностью исчерпаны; валюты на счету нет.

От председателя Госкомдрагмета: золотой запас разбазарен. (Из 1300 тонн золота, которые достались большевикам от царя и которые еще были на 1985 год, на протяжении последних шести лет было промотано 4/5 и остались жалкие остатки. Только в 1990—91 годах из страны было вывезено 800 тонн золота.)

От председателя Внешэкономбанка: страна неплатежеспособна и не может обслуживать внешний долг.

Из Комитета по хлебопродуктам: запасов зерна (и это при сниженных на 28 процентов нормах потребления!) стране хватит лишь до февраля 1992 года.

Из Комитета по торговле: практически нигде карточки не отовариваются, по всей стране огромные перебои с продуктами. По отдельным регионам продовольственных ресурсов осталось на 2—3—4 дня. (Напомню, что уже начались беспорядки из-за неотоваривания карточек, “табачные бунты”.)

Из Госснаба: договоров на следующий год заключено на 0%. Следовательно, вся система административного регулирования тоже не работает.

Я вынужден напоминать об

этом, потому что некоторые уже легко забыли, как будто это все было не с нами, как будто не стояли в этих очередях, с ночи занимая их, как будто не думали о том, чем накормить ребенка, потому что детского питания купить невозможно.

И в этой ситуации экстремального кризиса, когда старая система безнадежно развалилась, надо было как можно быстрее, без подготовки, запустить пусть плохо работающую, но как-то работающую новую систему, позволяющую добиться того, чтобы люди получили возможность купить хлеб, чтобы хоть какое-то продовольствие появилось в магазинах, чтобы можно было избавиться от этих огромных, уныло безнадежных очередей, чтобы можно было создать предпосылки нового экономического роста в России.

В общем, нет ни хлеба, ни золота, ни валюты, ни возможности платить по кредитам и привлекать новые. Неудивительно, что круг тех, кто в подобной ситуации был готов взять на себя ответственность за экономическую политику разоренной страны, оказался узким. Я хорошо знаю, что президент неоднократно и ко многим обращался с просьбой и предложением в этот момент возглавить правительство или войти в него.

Я убежден, что в этой ситуации, если бы мы не решились взять на себя ответственность и начать реформы, это грозило бы неизбежным крахом для России. Это кончилось бы серьезным, настоящим голодом начиная с февраля 1992 года. И я горжусь, что нам удалось этого не допустить в условиях катастрофического развала, к которому привела поразительная неспособность последнего коммунистического руководства хоть как-то обеспечить упорядоченный выход из социализма. Начатые в этих условиях реформы не получили достаточной политической поддерж-

ки. Именно поэтому они оказались прерванными. В результате сложилась та реальность, которая сегодня не нравится ни вам, ни нам. Но рассуждения невежд или проходимцев о каких-то “мягких”, “социально безболезненных” реформах, которые решают все вопросы и никому ничего не будут стоить, у тех, кто был осведомлен о реальном положении страны, могли вызвать лишь горькую улыбку.

— Зачем нужна была либерализация цен в январе 1992 года?

Вспомните конец 1991 года — острое ощущение опасности от надвигающейся зимы, с наступлением которой ожидали обострения продовольственной проблемы, перебоев в снабжении городов топливом. Угроза голода и холода реально нависла тогда над страной, а значит — угроза социальной катастрофы была очень реальной. Ведь именно попытки государственного перераспределения продуктов в условиях обвала системы власти стали непосредственными причинами революционных взрывов 1917 года. Мировой опыт показал, что во всех странах, которые во второй половине нынешнего столетия сумели без социальных катаклизмов пройти период полностью разбалансированной экономики, в качестве первого шага на пути к выздоровлению власти вынуждены были принять трудное политическое решение об “отпуске” цен.

— А разве нельзя было обойтись без “шоковой терапии”?

Конечно, можно было попытаться стабилизировать экономическую ситуацию при помощи внеэкономических инструментов, в основе своей традиционных для советского хозяйственного механизма, — уже

сточить снабженческо-сбытовую систему, сбалансировать цены путем их очередного подъема, прибегнуть к широкомасштабному использованию карточного распределения потребительских товаров по

случае ее выбора, упиралась в одну "малость". К этому времени в России не было политических и организационных механизмов, способных обеспечить осуществление "административной стабилизации".

тельной либерализации. Такая политика была малопонятной и непривычной для общественного мнения. Она почти гарантировала падение популярности решившихся ее осуществлять политиков. В крат-

Фото Геннадия Бодрова

социально обоснованным ценам и тому подобное. Короче говоря, логика подобной политики может быть сформулирована так: стабилизация экономической ситуации должна предшествовать осуществлению реформ. Именно такому курсу отдавал предпочтение Г.Явлинский осенью 1991 года.

И этот вариант был бы более понятен как для советской хозяйственно-политической верхушки, так и для широких слоев населения, в принципе, ожидавших от властей мероприятий административно-принудительного характера (во всяком случае, в экономической сфере) и привыкших за десятилетия коммунистического режима, что именно такой курс избирается для преодоления хозяйственных затруднений. Однако практическая реализация подобной политики, в

Не было уже жесткой вертикали организации власти сверху вниз, утратили былую эффективность органы принуждения, основательно подорванной оказалась система поддержания правопорядка. Словом, Россия (равно как и СССР в последние месяцы своего существования) оказалась страной с ослабленными государственными институтами.

Слабое государство было объективной реальностью, которая должна была приниматься в расчет при выборе экономико-политической стратегии. Слабое государство России получила в наследство от СССР, и она должна была практически заново воссоздавать свою государственность. Это в значительной мере предопределяло выбор экономического курса. Вполне очевидны были и сложности реши-

чайшие сроки она переводила экономику страны в качественно новую ситуацию, в которой практически ни у кого из экономических агентов не было опыта функционирования. Было ясно, что цены резко вырастут в момент их либерализации, причем осложняющим фактором являлась высокая степень монополизации народного хозяйства.

Словом, избранный тогда курс реформ исходил из признания горьких реалий, и поэтому он был не только болезненным, но и реалистичным. Он порывал с бессмысленными надеждами на возможность использования силы государственной власти, ясно отдавая себе отчет в отсутствии этой силы.

Жизнь показала правоту такого выбора. Несмотря на все тяготы переходного времени, уже с весны

Фото Владимира Веленгурина

1992 года Россия практически полностью избавилась от угрозы холода и голода. И более того, наши сограждане оказались избавлены от унизительного многочасового стояния в очередях за самым необходимым. Да, перед нашими гражданами, перед страной стоит сейчас немало острых, тяжелых и болезненных проблем. Но это проблемы другого цивилизованного порядка, существенно отличные от проблемы простого физического выживания человека. А ведь именно так, напомню, стоял вопрос накануне либерализации цен.

— Я вспоминаю времена до перестройки, когда колбаса была по два двадцать, и думаю: а зачем нужны нам реформы? Вернуть бы все, как было.

У нас поразительно короткая историческая память. И до 1991 года колбаса по два двадцать была далеко не везде, были «колбасные» электрички (помните: «Что это такое — длинное зеленое, пахнет колбасой? — Электричка из Москвы»), курсировали автобусные «экскурсии» за продовольствием. А к осени 1991 года уже опустели при-

лавки и в Москве. Люди еще по привычке едут из Тулы, Воронежа, Рязани, Владимира в Москву, бегают по магазинам в надежде хоть что-нибудь купить здесь, потому что у них в магазинах давно уже ничего нет. Но и здесь уже ничего нет. На протяжении месяцев девственно пустые прилавки, на которых иногда стоял уксус. Исчезло все, ничего нет и непонятно, откуда вдруг будет и будет ли. Общее ощущение наступающего голода, вызванное развалом систем жизнеобеспечения. Весна 1992 года, реформы только начались, общество еще в панике. Вся страна, включая москвичей, сажает картошку, горожанами вскапывается каждый свободный клочок земли. Ощущение жесткого катастрофизма, физического катастрофизма пронизывает художественную литературу тех лет. Вспомните произведения А.Кабакова, Л.Петрушевской и других литераторов. Сегодня все это напрочь ушло из памяти, как будто этого не было. Мы не любим дурных воспоминаний. Забыли страшное унижение перед продавцом, который может швырнуть тебе что-то, а может и не швырнуть. Видимо, работает анестезия — было очень плохо, давайте про это забудем. А в памяти остаются: парад на

Красной площади, красные галстуки детишек, полет Юрия Гагарина, да и масса другого, что действительно было хорошего и красивого. Другое дело, что вспоминается, как правило, та часть старой жизни, когда режим себя еще не исчерпал.

Нельзя вернуться в прошлое, каким бы хорошим оно вам сейчас ни казалось. Оно себя изжило. Нужно строить будущее. Экономический рост в России возможен. В общем, сегодня можно сказать, что мы одолели самую тяжелую часть пути. Все страны прошли через эту стадию. И сейчас перед нами стоит не только экономический, но и политический вопрос, вопрос будущего страны. Абсолютно ясно, что нужно сделать для того, чтобы российская экономика начала выбираться из того кризиса, в котором она оказалась.

Но что, если народ, обманутый, уставший от этого промежуточного положения, когда нет ни устойчивого плана, ни устойчивого эффективного рынка, разочаруется во всем и проголосует за возврат к власти прежних начальников?

Должен сказать, что это будет путь не к стабильному обществу, а к хаосу 1989—1991 годов. Потому что для той стабильности, о которой вы вспоминаете, задавая свой вопрос, уже нет ни природных ресурсов, ни высокой кредитоспособности, ни золотого запаса, ни валютных ресурсов — ничего этого нет. Идти, если мы хотим счастья своим детям, если мы хотим, чтобы они жили в достойной и процветающей стране, можно только вперед.

Главная наша задача — это не сорваться сейчас с этого пути. Мы действительно прошли его значительную часть. Немного времени нужно для того, чтобы разумная экономическая политика привела Россию на тот путь, по которому прошли все преуспевающие сегодня государства. Мы видим свою задачу в том, чтобы дать ей этот шанс.

— Тем, у кого реформа «стала» все сбережения, трудно проиллюстрироваться сличениями к Тайгару. Понимаете ли вы, насколько это серьезно?

Очень хорошо понимаю, так как эта проблема коснулась всех семей, в том числе и моей. Сбережения моей семьи пропали точно таким же образом. Мой тесть, Аркадий Натанович Стругацкий, известный писатель, чьи книги печатались в десятках стран, все свои гонорары держал на сберкнижке; и эти сбережения у его вдовы обесценились, как и у всех, когда реальная стоимость рубля перестала скрываться. Та же участь постигла, естественно, и вклады моих родителей, и мои собственные сбережения.

— Знаете ли вы, что "Выбор России" сильно потерял в глазах российской общественности, не разъяснив вопрос с вкладами населения? Как вы можете смотреть в глаза униженным и оскорбленным, загланным в нищету?

Я считаю, что могу честно смотреть в глаза всем. Я никого не обманул. Я никогда не ставил свои личные амбиции выше интересов России. Я вам отвечаю так. Сбережения немцев, как все знают, после второй мировой войны были полностью обесценены. Кто это сделал? Гитлер, который на эти деньги финансировал свою военную авантюру? Или министр экономики Л.Эрхард, который пришел на свой пост после войны и вынужден был довести до сведения людей, что за их вклады ничего не стоит, что казна полностью пуста? Не я растрачивал ваши сбережения. Существует секретная записка советского правительства в Политбюро ЦК КПСС за 1979 год; уже в ней докладывается, что 53% сбережений фиктивные, за ними ничего не стоит. А с тех пор прошли афганская война, водочная кампания и много-много других авантур, которые тоже потребовали денег.

Я понимаю боль тех людей, у которых были отняты их сбережения. Я понимаю их вопросы, они многого не знали, от них многое скрывали. Звучали победные фанфары,

нам всем внушали, какая у нас замечательная и богатая страна, как в ней хорошо живет народу, когда на самом деле мы с каждым годом нищали и все больше отставали от развитых стран. Но меня корбит, когда претензии предъявляет та самая политическая сила, которая разбазарила эти сбережения, которая промотала золотой и валютный резервы, которая беззастенчиво врала всем. А сегодня они встают в позу радетелей за народ и с видом невинных младенцев спрашивают: а где же сбережения населения? Что вы с ними сделали? Зачем вы развалили страну? Это, на мой взгляд, типичная форма мерзкой политической демагогии. Не мы это сделали, а те, кто до нас так "успешно" управлял страной. Нам лишь выпала горькая честь объявить правду.

Коммунистам и националистам удалось в декабре 1992 года свалить правительство реформ. В результате, благодаря их усилиям, Россия застряла в промежуточном положении. А теперь они очень хотят воспользоваться естественным недовольством населения, чтобы вернуть себе утраченную власть.

На Съезде народных депутатов, накануне моей отставки, в своем выступлении я говорил, что, если мы попытаемся сойти с узкой тропинки, которая ведет нас к растущей рыночной экономике, мы неизбежно попадем в ситуацию, когда сочетаются высокая инфляция, растущая социальная дифференциация, обнищание низших слоев среднего класса и продолжающееся падение производства.

Сегодня я не торжествую, что мое предупреждение сбылось, что я все это предвидел. Мне больно, что получилось именно так. В тех странах, где наши друзья-единомышленники имели возможность реализовать ту программу, которую мы выработали, там уже растет экономика, низка инфляция, там снижается разница в доходах населения и т.д.

Можно ли переломить сложившуюся на сегодняшний день ситуацию? Можно. А надеюсь я на огромный потенциал России, в том

числе и на потенциал здравого смысла.

— Вот вы говорите, что самый тяжелый период прошел. Мне кажется, не для всех. Одни деньги кредитуют лопатой, а другие копыты с концами не сводят. Будем ли как-то индексацию, а что мне с ней? Моей пенсии только на хлеб и молоко хватало, и то если покушать не каждый день.

Реформа социальной поддержки — один из самых больных вопросов, который требует безотлагательного решения. Вы правы: человек не должен чувствовать себя униженным. Но нынешняя система социальной защиты, к сожалению, не выполняет своих важнейших задач — забота и помощь действительно нуждающимся. Издевательский уровень минимальной заработной платы и минимальной пенсии является воплощением тупика нынешней системы социальной поддержки. Дело в том, что привязка системы окладов к минимальной заработной плате не содержит естественного инструмента помощи тем, кому действительно это нужно. Нельзя сейчас повисить минимальную заработную плату, одновременно не повысив тем самым резко зарплату министров, президентов, генералов, прокуроров, самых высокооплачиваемых людей в государстве. В результате растет общая денежная масса — как следствие, растут цены. А разрыв покупательной способности у разных социальных слоев остается. Социальная политика тут становится прямо контрпродуктивной. Не так уж много денег надо, чтобы помочь самым малообеспеченным. Но чтобы одновременно увеличивалась зарплата у всех, даже не нуждающихся, — на это никаких денег не хватит. Самое обидное, что депутаты, министры, т.е. высокооплачиваемые, свои деньги получают вовремя, а вот медики, учителя, рабочие получают... задержку зарплаты.

Мы пытаемся провести в парламенте закон о прожиточном минимуме, который не поднимал бы уровень оплаты труда высокооплачиваемых одновременно с социальной защитой нуждающихся. Я за снятие также безадресных пособий, которые идут не самым нуждающимся, а всем подряд, в том числе их заодно получают и люди со средними и высокими доходами. На мой взгляд, необходимо введение законодательно закрепленного пособия малообеспеченным. И должна быть система этих пособий, потому что минимальная заработная плата отнюдь всех проблем не решает.

— Почему в России сейчас выгоднее торговать, чем производить?

Такая ситуация возникает всегда, когда в стране быстро растут цены. Чем выше инфляция, тем менее выгодно вкладывать деньги в производство. Ведь производство требует времени, и капитал, вложенный в производство в условиях инфляции, быстро обесценивается. Поэтому в выигрыше оказывается тот, кто сможет вложить деньги и получить на них прибыль (то есть "обернуть капитал") в предельно сжатые сроки. Наиболее быстро капитал оборачивается в торговле. Следовательно, в условиях высокой инфляции предприниматели стремятся прежде всего вкладывать деньги в торговлю.

— Зачем понадобилась частная собственность на землю? Чтобы землей можно было спекулировать?

Частная собственность на землю это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики. Тот, кто вкладывает в землю капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести на ней эффективное хозяйство будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя.

Нельзя сказать, что частная соб-

ственность на землю — безусловно положительная вещь. И с экономической и с социальной точек зрения ей присущи определенные недостатки. Человечество уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство, как представитель интересов всего общества, все больше и больше регулирует земельную собственность, все больше вводит экологических ограничений, государство планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т.д. И тем не менее, земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики.

Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Земля приобретает стоимость, и в силу этого становится возможным реально оценивать эффективность всевозможных проектов. Может быть, мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, включив в рассмотрение реальную, то есть рыночную, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает необходимость в надуманных, искусственных "нормативных ценах", к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных транзакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене землей и т.д.

Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем. Чего боятся наши оппоненты прежде всего? Спекуляции землей, ее скупки гражданами других стран, выводом из оборота? Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости.

Любой, знакомый с проблемой, знает, в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специальными риэлтерски-

ми фирмами, и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это полулегально, без четкого законодательного регулирования. В теневой экономике все это приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни, идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства.

И поэтому российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех проблем, которых хотелось бы избежать в ходе приватизации земли, да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Мы считаем, что нужны полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

— Не считаете ли вы, что правительство расходует недопустимо мало средств на развитие образования, науки, культуры, здравоохранения?

Безусловно, считаем. Именно это составляло основное содержание поправок фракции "Выбор России", которые вносились к проектам бюджетов и на 1994-й, и на 1995 год.

Вообще в этом отношении ситуация в нашей стране складывается уникальная. Обычно в парламентах демократических государств левые (социалисты и коммунисты) выступают прежде всего с требованиями поддержки социальной сферы, а правые борются за сокращение государственных расходов как таковых. У нас же левые фракции (коммунисты и мало чем отличающиеся от них аграрии) голосуют за финансирование прежде всего промышленных отраслей и сельскохозяйственных предприятий, причем, как правило, неэффективных, обреченных на прозябание. На социальную же поддержку населения де-

нег в таком случае почти не остается, да и эти крохи “съедаются” инфляцией, порождаемой бездумным финансированием тех же неэффективных отраслей.

Напротив, “Выбор России”, который политологи относят к правому центру, настаивает на расширении поддержки граждан, а также отраслей непродуцированной сферы — науки, культуры, образования. Мы уверены, что экономия в этих сферах может обернуться невозвратными потерями. А денег эти отрасли требуют гораздо меньше, чем для поддержки неэффективных производств.

Словом, именно в развитии и укреплении социальной сферы, в эффективной поддержке населения, а не в бездумном поддержании “на плаву” отечественных промышленных монстров, которые не приносят ничего, кроме убытков, и не в подпитке бюрократического аппарата должна состоять важнейшая задача государственного бюджета.

Когда обсуждался бюджет на 1995 год, наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации, субсидии, колоссальная часть из которых разворовывается. По результатам первого квартала, расходы субсидий, например, АПК профинансированы на 200 процентов, расходы на науку — на 73 процента. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные льготы и преимущества для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью. Фракция “Выбор России” при обсуждении бюджета на 1995 год резко критиковала правительство за его неготовность реально расширить финансирование науки, за стремление держать ученых на голодном пайке. Именно по нашему настоянию в бюджете 1995 года выделено дополнительно 300 миллиардов рублей на фундаментальные исследования.

— Вы считали, что распад СССР был неизбежным?

Фото Владимира Веленгурина

Он стал неизбежным после 19 августа 1991 года. Организаторы попытки государственного переворота окончательно подорвали доверие союзных республик к федеральному центру, к стабильности и предсказуемости его политики.

Кроме того, лидеры ГКЧП наглядно продемонстрировали реальность возвращения неэффективного, если не маразматического, коммунистического режима, который не поддержали даже руководители Белоруссии, Таджикистана и Туркмении, отличавшиеся тогда особенным консерватизмом. Недаром в течение двух недель после путча практически все республики официально заявили о своем суверенитете.

Именно после поражения путчистов СССР практически лишился центрального руководства: правительство (Кабинет министров) СССР было заменено Межреспубликанским экономическим комитетом (МЭК), причем союзные республики сосредоточили в своих руках реальный контроль за "своей" экономикой. Вопросами, наиболее активно обсуждавшимися на заседании МЭК уже в сентябре—октябре 1991 года, был дележ золотовалютных резервов СССР, которых, правда, к тому времени уже почти не осталось. Попытки заключения межреспубликанского экономического соглашения в сентябре—октябре закончились полным провалом, причем отнюдь не по вине России — подписать соглашение отказалась Украина, без чего оно лишалось смысла.

Наконец, была и более фундаментальная причина, которая делала ликвидацию СССР практически неизбежной. Разные республики Союза, их руководители не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике. В одних республиках явно доминировало стремление к реформированию экономики на началах современной рыночной демократии, в других в качестве образца для подражания были избраны добившиеся крупных экономи-

ческих успехов авторитарные режимы Юго-Западной Азии (Южная Корея, Тайвань, Таиланд), третьи стремились к сохранению некоммунистического статус-кво, немало перекрашенного в национальные или исламские цвета.

До августа 1991 года еще оставалась надежда преодолеть все эти центробежные тенденции при проведении союзным центром четкой, ответственной и последовательной экономической политики. Попытка государственного переворота "сверху" и ее бесславный провал окончательно дискредитировали союзные органы власти. В результате, без авторитетного руководства и имея разные представления о перспективах выхода из кризиса, республики уже осенью 1991 года фактически оказались по отношению друг к другу на положении независимых, хотя и связанных общей историей, соседних государств.

— Заще отношения к объединению республик на новой, добровольной основе?

История показала, никакое единство силой не обеспечишь и долго не сохранишь. Все империи разваливались. Бисмарк не объединил Европу штыками, Гитлер не объединил ее танками. А вот союз угля и стали помог объединению.

Точно так же как было невозможно объединить Европу танками, а стало возможно объединить работающим рынком, так и республики бывшего Союза можно будет объединить на интересе работающего рубля. Но я выступаю против политиканства в этой сфере, я против того, чтобы непростые проблемы этих республик решались за счет российского налогоплательщика. Я отнюдь не считаю, что мы настолько хорошо живем, что можем позволить себе взваливать на свои плечи еще дополнительные проблемы. Да и не это нужно для интеграции.

— Как вы относитесь к нынешнему правительству?

Нынешнее правительство уже

набило себе достаточное количество шишек, пометавшись между разными, противоречащими друг другу стратегиями. Это и неловкая попытка В.С.Черномырдина построить "рынок без базара", заморозив цены и накачав экономику деньгами. Потом был постепенный переход к политике финансового сдерживания, за которым последовали широкие обещания премьера о поддержке производства и новая накачка деньгами. Была попытка торможения инфляции осенью 1993 года, снова разговор о немедленных способах борьбы с инфляцией и новая накачка денег в экономику. Конечно, никакого экономического роста при этих колебаниях курса не было и быть не могло.

Мне кажется, сейчас ситуация как-то переломилась. Правительство наконец поняло, что просто лбом стену не прошибешь. Сейчас оно становится на путь, который дает шансы на успех. Жаль только, что сейчас уже не 1992-й, а 1995 год, что столько времени упущено. Я далеко не все одобряю в проводимой экономической политике, но, повторяю, шансы на успех сегодня появились. Если бы сейчас пришел на место нынешнего премьера другой хозяйственник, он повторил бы все те ошибки, которые уже делал В.С.Черномырдин. Потому что есть масса вещей, которые можно понять, либо уже имея соответствующее базовое образование, либо обучаясь на своем горьком опыте. "На своем опыте" стране обходится дороже. Виктор Степанович Черномырдин получил, в этом смысле, самое дорогостоящее экономическое образование в мировой истории — за его обучение платила и платит вся Россия.

— Считаете ли вы себя патриотом?

Что-то странное происходит со словом "патриотизм". Почему-то приняты правила игры, в соответствии с которыми патриоты — это обязательно люди, которые разжигают национальную рознь, готовы втянуть Россию в новые военные

авантюры и оттого предельно опасны для нашей страны, которую, видимо, в грош не ставят в погоне за собственными политическими амбициями.

Наша партия честно заявляет: "Мы патриоты!" Потому что мы верим в наш народ. Народ наш достоин демократии — той единственной системы власти, при которой он сам принимает решения. Мы патриоты еще и потому, что верим в то, что российская экономика не навсегда обречена быть нищей на подпорках, что, если мы создадим хотя бы минимально необходимые правовые и экономические предпосылки, наша промышленность сможет на равных побороться с любой другой.

Мы патриоты, так как убеждены: российская культура и наука не нуждаются в том, чтобы их поднимали с колен — они никогда не стояли на коленях, они слишком велики.

Мы, наконец, патриоты, потому что верим в то, что на месте России нынешней, номенклатурно-капиталистической, будет Россия новая, Россия процветающая, Россия стабильная, одна из самых динамично развивающихся стран XXI века. Борьба за такую Россию — суть той программы, с которой наша партия идет на выборы.

— У вас были ошибки или вы безгрешны?

Ошибки были. Я хорошо их знаю. Я мог бы рассказать о технических ошибках, которые сегодня видны. Скажем, о неточно выработанных решениях регулирования внешнеэкономической деятельности с 1 января 1992 года, о тех корректировках, которые я внес бы в тактику размораживания цен и т.д. Но они не имели принципиального значения. А вот одна ошибка, на мой взгляд, имела принципиальное значение — это избыточная мягкость в кадровой политике, когда мы слишком много оставили на ключевых постах людей, которые реформ никогда не принимали и охотно их дискредитировали, постоянно возлагая ответственность

Фото ИТАР-ТАСС

при этом за все свои грехи на реформы, на реформаторов, рынок.

— Ваш прогноз на предстоящие выборы? Насколько возможен приход к власти коммунистов, фашистов?

Прогнозировать не хочу. Приход к власти фашистов и коммунистов возможен. На это не надо закрывать глаза. Если мы будем пассивны, а они воспользуются недовольством населения, сыграют на этом, перетянут к себе колеблющихся, то это будет весьма трагично для России. Это будет еще одна страшная катастрофа для России в этом веке, которая вряд ли оставит нам шанс на нормальную жизнь в XXI веке.

Мы идем на выборы на этот раз для того, чтобы капитализм, который сложился сегодня в России, стал цивилизованным и был более пригодным для нормальной жизни. Надо признать, что предстоящие выборы (я имею в виду как парламентские, так и президентские) бу-

дут очень трудными, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности для радикальной антикапиталистической пропаганды широчайшие.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

Предстоящие нам выборы — это испытание для России. Проиграет демократия выборы — проиграет вся Россия. Мы все вместе и каждый в отдельности должны сознавать свою ответственность. И все-таки мы убеждены — историческая правда за нами, историческое будущее за нами.

